

КАРЛ ФРИДРИХ ГЕТМАНН

DASEIN: ПОЗНАВАНИЕ И ДЕЙСТВОВАНИЕ.
ХАЙДЕГГЕР В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

РАЗДЕЛ: DASEIN и познание.

Гл.: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ НАУКИ
К § 69 в БЫТИЯ И ВРЕМЕНИ* (ФРАГМЕНТ)

В своей основной философской концепции «*Бытие и время*» Хайдеггера является трудом, допускающим множество толкований. С момента выхода книги в свет между собой соперничают экзистенциально-философский, связанный с философией жизни и герменевтикой, метафизический и (трансцендентально)-феноменологический подходы в [его] интерпретации. Причины неопределенностей в интерпретации «*Бытия и времени*» (включая опубликованные Хайдеггером связанные с этим трудом работы, которые все же включены в рассмотрение в дальнейшем), в той мере, в какой их следует искать в текстах Хайдеггера, лежат на виду. Необходимо упомянуть фрагментарность опубликованного текста, более позднюю философию Хайдеггера и связанные с этим проблемы понимания «поворота», нечеткие историко-философские классификации, которые, мнимо или действительно, помогают понять труд, содействуют или препятствуют [ему]. Что касается историко-философских классификаций, то философы, кроме всего прочего, долгое время сталкивались с тем обстоятельством, что «*Бытие и время*» не находится в отношении преемственности с более ранними публикациями Хайдеггера (именно поэтому имеются многочисленные попытки

* Перевод фрагмента выполнен по изданию: *Gethmann C. F. Dasein: Erkennen und Handeln: Heidegger im phänomenologischen Kontext.* Berlin; New York: de Gruyter, 1993. S. 169-180. — *Прим. пер.*

© А. Паткуль, ПЕРЕВОД, 2012

толкования связи, например, реабилитационной работы и «*Бытия и времени*»). Хотя, конечно, нахождению «общностей» при согласованном усилии в образовании общих понятий нет предела, [все же] несмотря на многочисленные попытки, «ранние работы» Хайдеггера дают мало однозначных указаний для понимания «*Бытия и времени*».

По крайней мере, в отношении последнего из упомянутых препятствий в интерпретации в последние годы ситуация во многом изменилась, а именно благодаря выходу в свет марбургских лекций Хайдеггера.¹ Вряд ли их значение для понимания философии Хайдеггера периода «*Бытия и времени*» (и выходящей за его пределы), в силу их временной близости ко времени возникновения и опубликования «*Бытия и времени*», может быть переоценено. Однако они позволяют ясно понять, как складывались сформулированные в «*Бытии и времени*» философские взгляды и — что с точки зрения интерпретации зачастую еще более важно, — в контексте каких философских дискуссий Хайдеггер видел и развивал саму работу своей мысли. Из вышедших к настоящему моменту в свет марбургских лекций особое значение имеют «Пролегомены к истории понятия времени» летнего семестра 1925 г. (GA 20). Впрочем, лекция включает в себе немного пассажей по проблематике времени, но зато содержит обстоятельную дискуссию Хайдеггера с современными [ему] философскими начинаниями, особенно с феноменологией. На фоне критики феноменологического начинания лекция уже развивает (с характерными отличиями) решающие периоды «*Бытия и времени*» вплоть до анализа времени, исключая таковой. Напротив того, такой анализ подробно проведен в лекции «Основные проблемы феноменологии» летнего семестра 1927 г., которая, в свою очередь, менее показательна в связи с отношением Хайдеггера к феноменологии.

Подробная проработка связей марбургских лекций с «*Бытием и временем*» еще отсутствует и не должна быть задачей настоящей работы. Вместо этого непосредственно здесь должен быть сформулирован общий тезис для понимания «*Бытия и времени*», как оно следует из новейшего состояния издания текстов.

¹ В числе которых в «Собрание сочинений» Хайдеггера включены также и ранние фрайбургские лекции. Уже вышла в свет лекция «Феноменологические исследования Аристотеля» зимнего семестра 1921/1922 уч. г. (GA 61). Ср. *Gethmann C. F.* «Philosophie als Vollzug und als Begriff» в: *Gethmann C. F.* *Dasein: Erkennen und Handeln.* Heidegger im phänomenologischen Kontext. Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1993, S. 247-280.

Посредством проекта фундаментальной онтологии Хайдеггер стремился, не более и не менее, как ко «второму оформлению»² феноменологии. Само собой разумеется, такому, в котором устранены установленные им недостатки гуссерлевского «первого оформления».³ В рамках общей формулировки философской позиции, кажется, больше не может быть никакого сомнения в том, что «*Бытие и время*» следует читать как *попытку переформулировки*⁴ феноменологической программы. И что относящиеся к этому высказывания в § 7 «*Бытия и времени*», чьи неясности и многозначности до сих пор, правда, могли инициировать иные подходы в понимании, должны быть приняты за чистую монету. В особенности не находится никакого подтверждения пониманию философии в смысле герменевтической философии; «Heidegger Heidebergensis» был фантомом.⁵ В противоположность этому меньшинство интерпретаторов «*Бытия и времени*» правильно усмотрело [суть дела], поставив Хайдеггера во взаимосвязь феноменологических дискуссий и имея в виду при этом, прежде всего, более поздний, трансцендентально-философски окрашенный вариант феноменологии Гуссерля.⁶ В лекциях должно бросаться в глаза, прежде всего, то, что

² В оригинале: «zweite Ausbildung». — Прим. пер.

³ Ср. название главы в «*Пролегоменах*». Гл. 3: «Первоначальное оформление феноменологического исследования и необходимость радикального осмысления внутри него самого и на его основе» (GA20 123). (Перевод названия главы дан в варианте Е. В. Борисова, у которого мы, с признательностью, и заимствуем термин оформление как передачу хайдеггеровского Ausbildung. См.: *Хайдеггер М.* Пролегомены к истории понятия времени. Томск, 1998. С. 97, 378. — Прим. пер.)

⁴ В оригинале: Reformulierung. — Прим. пер.

⁵ Во всяком случае, это имеет место в отношении «*Бытия и времени*». Поскольку между тем оказывается возможным более точное знакомство с ранними фрайбургскими лекциями, текстуальные и биографические свидетельства говорят в пользу того, что герменевтическую философию можно рассматривать как самостоятельное продолжение ранних концепций Хайдеггера — так сказать, помимо «*Бытия и времени*». Ср. подробнее: *F. Hogemann*: «Heideggers Konzeption der Phänomenologie»; *C. Jamme*: «Heideggers frühe Begründung der Hermeneutik». Ср. далее: *Gethmann C. F.* Philosophie als Vollzug und als Begriff // *Gethmann C. F.* Dasein: Erkennen und Handeln. Heidegger im phänomenologischen Kontext. Walter de Gruyter. Berlin; New York, 1993. S. 247-280.

⁶ Ср. особенно (в алфавитном порядке): *Appel K.-O.* 1) Dasein und Erkennen; он же: Die Idee der Sprache; 2) Die beiden Phasen der Phänomenologie; 3) Heideggers philosophische Radikalisierung der «Hermeneutik»; *Brelage M.* Studien zur Transzendentalphilosophie; *Coreth E.* Heidegger und Kant; *Diemer A.* 1) Edmund Husserl; 2) Grundzüge Heideggerschen Philosophierens; *Lorenz K., Mittelstrass J.* Die Hintergebarkeit der Sprache; *Teunissen M.* Intentionaler Gegenstand und ontologische Differenz; *Tugendhat E.* Der Wahrheitsbegriff bei Husserl und Heidegger. — D. Føllesdal с недавних пор говорит,

Хайдеггер с самого начала настойчиво и даже агрессивно защищает программу феноменологии Гуссерля, прежде всего, от неокантианства. Философская ситуация в Марбурге, конечно, дает этому достаточное историческое разъяснение. Хайдеггер видит себя непременно в качестве феноменологического миссионера в философской диаспоре, не догматизирующего, конечно, определенную точку зрения, но имеющего намерение критически пересмотреть собственную позицию.

ХАЙДЕГГЕРОВСКАЯ ПЕРЕФОРМУЛИРОВКА ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ

Понятие «переформулировка» уже содержит то, что хайдеггеровское «второе оформление» феноменологического начинания включает преемственность и разрыв с гуссерлевским «первым оформлением». На уровне конкретного феноменологического анализа и реконструкции отчетливо преобладает впечатление разрыва, — хотя это впечатление из-за терминологических различий здесь также легко меняется. Должно, правда, быть ясно, что для Хайдеггера преемственность первично находится на весьма фундаментальном уровне понимания философии. В этом отношении тексты лекций, прежде всего, подробное изложение феноменологии в § 5-9 «Пролегомен», обретают всеобщее содержание, касающееся феноменологии и заключенных в ней «возможностей». Равным образом интерпретация следовала бы [такому] образцу: Хайдеггер слишком просто дает новую обработку проблемного содержания в соответствии с давно известным феноменологическим методом. Впрочем, сам Гуссерль, похоже, представлял себе работу своих сотрудников и учеников таким образом; так как Хайдеггер в феноменологическом кругу считался феноменологом с метафизической и религиозно-философской специализацией и компетенцией, личное разочарование и непонимание по сути «Бытия и времени» Гуссерлем были почти неизбежными.

Напротив того, невозможно не заметить, что Хайдеггер также критикует и пересматривает философски-методологические основы фе-

ссылаясь на замечания Гуссерля к «Бытию и времени», только о «переводе» философии Гуссерля Хайдеггером и обозначает концепцию Хайдеггера как «в основном изоморфную» (basically isomorphic) философии Гуссерля («Husserl und Heidegger»). Взгляд может показаться крайним, но в нем больше истины, чем в противоположном, согласно которому Гуссерль и Хайдеггер, несмотря на ссылку на термин «феноменология», не имели между собой ничего общего (напр.: *Schacht R. Husserlian and Heideggerian Phenomenology*).

номенологии⁷. Особым текстологическим свидетельством этому являются § 11-13 «Прологомен» вкупе с § 14 основной части этой лекции. В § 11 Хайдеггер проводит «имманентную критику феноменологического исследования», которая, тем не менее, направлена против основной мысли гуссерлевской феноменологии именно в ее трансцендентально радикализованном варианте, а именно против идеи чистого сознания. В § 12 Хайдеггер указывает на «упущение»⁸ Гуссерля как основание для диагностируемого ошибочного понимания, а именно на то, что вопрос о «бытии интенционального» не был поставлен. Это упущение имело своим следствием философски более важное упущение — как это Хайдеггер изображает в § 13, — что вопрос «о смысле самого бытия» остался у Гуссерля (так же, как у Дильтея и Шелера) пропущенным. Эта критика является теперь не только поводом, но и основанием экспликации собственного подхода Хайдеггера, как он, не оставляя места для недоразумений, разъясняется в § 14 «Прологомен»:

«Однако вопрос о бытии как таковом может быть обретен лишь тогда, когда он направляется *вопрошанием-до-конца*, или *вопрошающим вхождением-в-начало*, т. е. когда вопрошание определяется радикальным смыслом феноменологического принципа — *позволить видеть сущее как само сущее в его бытии*, — самими вещами» (GA 20 186).⁹

То, что здесь предлагает Хайдеггер, является не чем иным, как пропедевтикой к вопросу о смысле бытия. Именно тема бытия тождественна со «смыслом феноменологического принципа». Таким образом, феноменологический принцип был в основных чертах верно усмотрен Гуссерлем, даже если подход Гуссерля обозначен как фундаментальное «упущение». Понимание упущения Гуссерля — [того, что] вопрос о «бытии интенционального» не был поставлен, — является, стало быть, ключом к пониманию основной философской темы Хайдеггера, вопроса о бытии.

Впрочем, заключается ли здесь дело в настоящей редукции проблемы? Это можно было бы утверждать лишь в том случае, если было бы проще с очевидностью прояснить, что же, согласно исследованиям Хайдеггера, упустил Гуссерль в качестве того, о чем спрошено в вопросе о смысле бытия. Но то, что Гуссерль должен был упустить, никоим

⁷ В оригинале: *Grundlagen*. — Прим. пер.

⁸ В оригинале: *Versäumnis*. — Прим. пер.

⁹ Цитируется по изданию: *Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени* / пер. Е. В. Борисова. Томск, 1998. С. 144-145. — Прим. пер.

образом не очевидно. Гуссерль и в правду не поставил вопрос о «бытии интенционального» — он еще раньше обратил бы него внимание. Но это еще не составляет упущения. В любом случае, о некотором упущении можно говорить непременно только тогда, когда некто не поставил вопрос, чье рассмотрение могло бы справедливо от него ожидаться, и чье не-рассмотрение имеет следствия, которые неприятны для адресата упрека. Поэтому Хайдеггер справедливо основывает упрек в упущении на «имманентной критике» (GA 20 § 11).

Впрочем, в этой так называемой имманентной критике речь о бытии уже постоянно находит применение; применение, которое Гуссерль, вероятно, считал бы непонятным. Так, следовало бы в первую очередь прояснить, какие проблемы в изображении структур чистого сознания Гуссерлем имел в виду Хайдеггер. Но является ли вообще возможным законченный обратный перевод хайдеггеровской проблемы в гуссерлевскую взаимосвязь вопросов? Или дела у нас обстоят как у пользователя философского словаря, который следует перекрестным ссылкам в надежде, где-то однажды узнать нечто окончательно, и который, однако, спустя некоторое время, должен обнаружить, что он вновь приходит туда, где он начинал? Добавим: метод Хайдеггера, редуцировать определенные проблемы ко всякий раз (методически) более ранним, приобретает эту черту по случаю. Все же Хайдеггер не есть некий философский эскапист. Он ведь предъявил нам подробные, касающиеся самой сути исследования по выдвинутым основным вопросам (во всяком случае, по некоторым из них). Правда, при этом тотчас обнаруживается один из известных центральных пределов интерпретации: хотя между этими существенными исследованиями (напр., анализами бытия-в-мире) и целью фундирования онтологии вновь постулируется методическая взаимосвязь, в чем, однако, таковая конкретно состоит?

Конечно, на данный вопрос следует давать ответ только [как] для всякий раз подлежащей обсуждению проблемы.

Из многочисленных вопросов, которые можно здесь затронуть, проблема *онтологического фундирования наук* ни в коем случае не является рядовой. Напротив того, она является проблемой, на которую нацелена, или — в иной формулировке — проблемой, для разработки которой посредством региональных онтологий оказывается применимой онтология, обоснованная через фундаментальную онтологию. Это однозначно показано в § 3 «*Бытия и времени*» под заглавием «онтологическое преимущество» вопроса о бытии. Соответственно, в лекции «Феноменологическая интерпретация «Критики чистого разума» Кан-

та» об этом говорится программно: «Обоснование самообоснования¹⁰ наук о сущем осуществляется в региональных онтологиях. Онтология, таким образом, изначально осуществляет основоположение¹¹ некоторой онтической науки. *Основоположение некоторой науки о сущем означает: обоснование и оформление лежащей в ее основе онтологии.* Эти онтологии, со своей стороны, основываются в *фундаментальной онтологии*, которая составляет *центр философии*» (GA 25 39).

Исходя из этого, ни в коем случае не является ошибочным видеть в «Бытии и времени» теоретико-научный трактат;¹² но это толкование следует защитить от возможных недоразумений:

Понятие «теория науки» не должно быть понято в узком смысле логического эмпиризма и аналитической философии. Хайдеггер явно выступает против этого понимания теории науки посредством своего различия между логическим и экзистенциальным понятием науки. Логическое понятие науки рассматривает науку как — в формулировке Хайдеггера — «обосновательную взаимосвязь истинных, т. е. значимых тезисов» («Бытие и Время», с. 357).¹³ Хайдеггер не отвергает этот способ рассмотрения, а реконструирует его как несовершенный и производный (ср. «Бытие и время», с. 11). Напротив, экзистенциальное понятие науки имеет дело с конституцией научного предмета и с соответствующими научными методами. Впрочем, Хайдеггер программно намекает, что «исчерпывающая экзистенциальная интерпретация науки» могла бы также прояснить соотношение вопроса о бытии и истины¹⁴, т. е. в дан-

¹⁰ В оригинале: *Begründung der Selbstbegründung*. — Прим. пер.

¹¹ В оригинале: *Grundlegung*. — Прим. пер.

¹² Так убедительно [показывает] *H. Seigfried* в «Descriptive Phenomenology and Constructivism и в Heidegger's longest Day». Seigfried противоречит утверждению *W. J. Richardson'a*, намекая на день вторжения союзников, утверждал: «В самый решающий день, который он когда-либо прожил, Хайдеггер никогда не мог бы быть назван философом науки» (*Richardson W. J. Heidegger's Critique of Science*. P. 511). В исторически более развитой перспективе также *Th. Kiesel* обратился против этого утверждения и различил три фазы развития хайдеггеровской философии науки: логически-эпистемологическую (примерно до 1916 г.), экзистенциально-онтологическую (примерно 1925–1929) и бытийно-историческую (*Kiesel Th. On the Dimensions*). На основании новейшего положения дел с изданием текстов можно будет прибавить для периода с примерно 1919 по 1925 гг. еще фазу, связанную с герменевтикой и философией жизни [*hermeneutisch-lebensphilosophische Phase*].

¹³ Цит. по: *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. М., 1997. С. 357. В оригинале: «*Begründungszusammenhang wahrer, d.h. gültiger Sätze*». — Прим. пер.

¹⁴ Ср.: «Вполне удовлетворительную экзистенциальную интерпретацию науки удастся однако провести лишь тогда, когда *смысл бытия и «взаимосвязь» между бытием*

ном случае истины научного положения («логической» истины) — проблеме, которая в известных на сей день текстах остается открытой. Для состояния дискуссий современной теории науки остается все же побуждением обращение к тому, что для Хайдеггера логическое и экзистенциальное понимание науки не являются альтернативами в философии науки, но находятся друг с другом в едином систематическом отношении фундирования.

Речь о «*Бытии и времени*» как о трактате по теории науки не должна быть понята в тривиализирующей интерпретации, [словно] изложения фундаментальной онтологии воздействовали бы на теорию науки (какие философские мысли этого бы не делали!). Тезис сильнее: проблема фундирования наук есть *та* проблема, на решение которой направлена фундаментальная онтология. Не некая всеобщая теория смысла, теория жизненного мира, естественное богословие, философия истории, но *теория фундирования науки методически направляет построение фундаментальной онтологии*. Науки и их онтологические основы являются, в силу этого, для Хайдеггера не только неким дидактическим примером, но решающим «пробным камнем». Отдельные анализы «*Бытия и времени*», которые зачастую кажутся весьма далекими от такого полагания цели, были строго связаны Хайдеггером с целью онтологии. Подтверждениями тому являются, прежде всего, многочисленные методические параграфы и стереотипное повторение указания на «методический» характер исследования, которые Хайдеггер подчеркивает тем больше, чем «экзистенциалистичнее» слышится дикция Dasein-аналитики.¹⁵

Фундаментальная онтология только опосредованно соотнесена с науками, напротив того, непосредственно — с онтологией, т. е. для Хайдеггера — с философией. Вместе с тем эта программа фундирования философии остается обязанной для идеи «философии как строгой науки». Фундаментальная онтология первично является методологией философии (универсальной онтологии), которая со своей стороны предоставляет основания наук в виде региональных онтологий.

и истиной будут прояснены из временности экзистенции» (Хайдеггер М. Бытие и время. С. 357). В связи с прояснением взаимосвязи между бытием и истиной Хайдеггер отсылает читателя к § 44 «Бытия и времени», с. 212 и сл. указанного русскоязычного издания. — Прим. пер.

¹⁵ Ср.: Gethmann C. F. Verstehen und Auslegung.

Впрочем, против этого толкования *«Бытия и времени»* напрашивается возражение, [что] оно ограничивало бы фундаментальную онтологию, — говоря в рамках общепринятых различий, — *теоретической* философией. Фактически это означает, что здесь фундаментальная онтология увеличивает излишний теоретический вес феноменологии Гуссерля, — [что] феноменологическая теория науки, включая Хайдеггера, отчеканена «теоретизмом». Если отказаться от этого возражения, — которое требует более точной разработки, — то вполне можно сказать, что фундаментальная онтология в этом смысле является теорией науки, как были теорией науки все теоретические философии Нового времени от Декарта до Гуссерля.

Эта всеобщая классификация, конечно, не позволяет упустить, что гуссерлевский вариант проблемы фундирования научного знания был новым. Хайдеггер сам говорит о «фундаментальных открытиях» Гуссерля (GA 20 34ff). **При этом новаторство феноменологии не заключается** субстанциально в разработке новых тем, например, темы интенциональности (которая, конечно же, ни в коем случае не была новой), но в способе постановки вопроса. Говоря точнее, Гуссерлю удалось ясно различить два вопроса относительно проблемы «объективности предметов»: вопрос о независимом от субъекта существовании внешнего мира предметов и вопрос о конституции транс-оказиональных способов данности сознания. Этот второй — феноменологический — вопрос был тем [вопросом], который Гуссерль видел как центральную научно-философскую проблему и пытался разработать в многочисленных попытках новой концептуализации феноменологической программы (от варианта феноменологии как аналитики корреляции через вариант теории конституции и трансцендентально философскую версию феноменологии вплоть до генетической феноменологии жизненного мира¹⁶). Данный вопрос должен, в силу этого, быть взят также как *terminus a quo* интерпретации, если пытаться определить значение переформулировки Хайдеггером феноменологической программы и основных идей его «второй разработки».¹⁷

¹⁶ Ср. изложение *K. Held*'а: Edmund Husserl. Понятие «транс-оказиональности» было перенято *K. Held*'ом: *Das Problem der Intersubjektivität*.

¹⁷ Достоин внимания то, что *D. Føllesdal* также [в] «**Husserl and Heidegger**» определяет мысль конституции («наброска») как общее основание гуссерлевской и хайдеггеровской феноменологии.

Критика Хайдеггером «упущения» Гуссерля нацелена в первую очередь на употребляемое Гуссерлем, но онтологически неоправданное «бытийное различие», а именно различие, с одной стороны, исполняющего конституирование Я и миром конституированных предметов, с другой. Точнее говоря, Хайдеггер критикует [то], что это различие у Гуссерля без дальнейшего ставится понятийно в параллель с методологическим различием конституирующего и конституированного. Напротив того, посредством своего анализа в-мире-бытия и содержащейся в этом изложении критики Гуссерля Хайдеггер делает отчетливым, что *Dasein* столь же существенно существует в мире и с другими, что оно как в-мире-сущий конкретный человек *есть* трансцендентально-конституирующее (лучше: место конституции). Мир, в котором *Dasein* имеет быть, таким образом, методически принадлежит стороне конституирующего; наоборот, подлежащее в своей онтологической конституции объяснению есть особый мир, прежде всего, регион научно тематизируемых предметов. Тем самым, таким образом, можно совершенно точно сказать, что есть для Хайдеггера достойный сохранения принцип феноменологии, и относительно какого вопроса радикально заново начинает его «вторая разработка». Для Хайдеггера подлежит сохранению мысль о конституитивном объяснении трансокказиональных притязаний на значимость, для которых (это значимо как для Гуссерля, так и для Хайдеггера) науки поставляют преимущественную парадигму. Согласно Хайдеггеру, Гуссерль все же был не критичным, следуя новоевропейской философии в том, что исполнение конституции приписывалось безмирному Я как исполняющему, а продукт исполнения ([что] у Гуссерля, конечно, очень дифференцированно подвергнуто анализу) — мировой предметной области. Видно, что хайдеггеровская критика феноменологии касается самых фундаментальных позиций Гуссерля, что его верность принципу феноменологии все же есть не только бессодержательное признание. Идентификация относится к методологическому основному положению¹⁸ феноменологии; и здесь повторяемое утверждение Хайдеггера, что феноменология обозначает метод, но не какое-либо философское содержание, может быть полностью осуществимо.

Если для Гуссерля, как и для Хайдеггера, объяснение трансокказиональных притязаний на значимость было центральной задачей философии, намеченные различия, которые Хайдеггер намерен достичь под именем «упущения вопроса о бытии интенционального», могут быть

¹⁸ В оригинале: *Grundsatz*. — Прим. пер.

также заново найдены в некотором ином подходе к проблеме фундаментирования науки. Следовательно, это различие допускает также некоторое уточнение значения вопроса о «бытии интенционального» и, тем самым, допускает к вопросу о бытии вообще.

Перевод с немецкого А. Паткуля

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

Публикация перевода небольшого фрагмента книги Карла Фридриха Гетманна «*Dasein: познание и действие. Хайдеггер в феноменологическом контексте*» обусловлена различными обстоятельствами. Здесь было бы неуместно их перечислять и, тем более, рассматривать каждое из них. Пожалуй, в качестве предварения необходимо ограничиться указанием на два решающих мотива, которым настоящая публикация обязана своим появлением.

Во-первых, к ним следует отнести безусловное достоинство исследования Гетманна, состоящее в том, что, как это и следует из заглавия книги, автор рассматривает содержательные стороны философской работы Хайдеггера в собственно феноменологическом контексте. В этой связи привлекает внимание то, как великолепно знающий историю феноменологии исследователь, обращаясь, казалось бы, к фактической стороне этой истории, выявляет то существенное, что в ходе ее было обретено для разработки феноменологической рациональности. Поэтому «феноменологический контекст» указывает не столько на те влияния, которые довелось испытать Хайдеггеру или, тем более, которые ему удалось оказать, сколько на значение, — прежде всего, методологическое, но и не только, — мысли Хайдеггера для *оформления идеи феноменологии* как таковой. Особенно хочется отметить последовательность отстаивания Гетманном позиции, в рамках которой Хайдеггер, по крайней мере, в период создания фундаментальной онтологии, был прямым последователем Гуссерля, т. е. собственно феноменологом, причем не только номинально, но по существу. Позицию, которая выглядит обоснованной, поскольку Гетманн показывает, что хайдеггеровская критика гуссерлевского «упущения» и его попытка «переформулировки» феноменологической программы, ее «второго оформления» суть критическое продолжение того, что в систематическом смысле было начато учителем Хайдеггера.

Во-вторых, пожалуй, решающим мотивом, повлиявшим на публикацию предлагаемого вниманию читателя перевода, послужило то,

что Гетманн, в отличие от многих других интерпретаторов хайдеггеровской философии, рассматривает онтологическое начинание Хайдеггера в единстве его, если угодно, *систематического замысла*. Указанная перспектива удерживается Гетманном и тогда, когда он рассматривает хайдеггеровский проект, что называется, крупным планом, и тогда, когда он фокусирует внимание на тех или иных его деталях. Не будет преувеличением утверждать, что именно упущение из внимания систематического единства хайдеггеровской онтологии, позволило усмотреть в его философском начинании черты иррационализма и антинаучности. Точно также невнимание к общей перспективе хайдеггеровской онтологии спровоцировало появление на свет множества различных установок в интерпретации онтологической мысли Хайдеггера. В рамках большинства из них эту мысль трактовали, основываясь на осуществленных в опубликованных частях «Бытия и времени» анализах экзистенциальности человеческого сущего, как одну из модификаций экзистенциализма, философии жизни, философской антропологии и т. п. В последнее время, правда, подобные предубеждения из-за основательной их критики и убедительной демонстрации конечной цели хайдеггеровского онтологического проекта отходят на второй план; и это происходит как в зарубежной, так и в отечественной исследовательской литературе. В качестве образцов интерпретации хайдеггеровского замысла как несводимого к анализу экзистенциальности, но имеющего самостоятельное онтологическое значение, можно, по крайней мере, в содержательном плане указать на следующие доступные русскоязычному читателю публикации: *Херрманн Ф.-В. фон. «Бытие и время» и «Основные проблемы феноменологии» // Философия Мартина Хайдеггера и современность: сб. докладов / ред. Н. В. Мотрошилова. М., 1991; Херрманн Ф.-В. фон. Временность вот-бытия и время бытия // Херрманн Ф.-В. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. Минск, 2000.*

Но если работы фон Херрманна, безусловно, восполняют недостаточность понимания предметной сферы в систематическом единстве онтологического проекта Хайдеггера, то в предлагаемых вниманию читателя фрагментах книги Гетманна восстанавливается и модальное единство этого проекта. Говоря определеннее, Гетманн недвусмысленно показывает, что понять онтологическое начинание Хайдеггера невозможно соответствующим образом, не учитывая того, что подобного рода исследование для этого философа, во-первых, само всегда *является научным*, а во-вторых, будучи осуществляемым и осуществляемым именно в качестве собственно философского изыскания, *формирует и*

понимание научности как таковой. На взгляд переводчика, проведенные в этом отношении исследования Гетманна, наряду с исследованиями некоторых других авторов, не оставляют никаких сомнений в научном характере работы Хайдеггера периода создания фундаментальной онтологии, отводя от последней любые обвинения в иррационализме и антинаучности. Ведь в конечном итоге, как это показывает Гетманн, само понимание философской работы в качестве фундаментально-онтологической демонстрирует прямое отношение этой работы к проблеме *фундирования наук* посредством определенным образом проведенных философских исследований. Ибо «проблема *фундирования наук* есть *та* проблема, на решение которой направлена фундаментальная онтология; не некая всеобщая теория смысла, теория жизненного мира, естественное богословие, философия истории, но *теория фундирования науки методически направляет построение фундаментальной онтологии*» (Gethmann C. F. *Dasein: Erkennen und Handeln: Heidegger im phaenomenologischen Kontext*. Berlin; New York: de Gruyter, 1993. S. 177).

ПРИМЕЧАНИЯ:

- Цитируемые Гетманном фрагменты работ Хайдеггера, перевод которых на русский язык уже опубликован на данный момент, в настоящей публикации взяты в вариантах существующих переводов с указанием выходных данных публикации перевода и страницы, на которой цитата находится.
- Имена и названия работ в ссылках на комментаторскую литературу, которые в разной связи делает в своей работе Гетманн, оставлены без перевода в том виде, в каком они даны автором переводимого текста — для удобства их поиска в случае необходимости.
- В случае, когда Гетманн ссылается на оставшиеся за рамками данной публикации фрагменты этой же книги, ссылка дается на ее издание, обозначенное в сноске 1, сопровождающей название переводимого фрагмента, с указанием на номера страниц в пагинации этого издания.
- В случаях, когда перевод немецкого термина может считаться спорным, неоднозначным, либо когда термин, по мнению переводчика, является ключевым для исследования в текущем контексте, в сноске к его русскому переводу дается немецкий вариант этого термина.